

Научная статья

УДК 13:82.091

doi 10.46741/sgjournal.2023.10.3.008

О М. М. Бахтине и необходимости формирования новой политической культуры

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ДОМАЩЕНКО

Донецкий национальный университет, Донецк, Россия,
a.domashchenko@bk.ru

Аннотация. В статье кратко охарактеризовано творческое наследие М. М. Бахтина – одного из крупнейших представителей персонализма в философии, основоположника персоналистского направления в теории литературы. Но, как представляется, главное значение работ Бахтина заключается в том, что его нравственная философия может стать основой для будущей политологии, соответствующей требованиям и вызовам нашего времени. В статье указано, какие именно положения нравственной философии Бахтина могут стать фундаментом новой политологии (ответственность поступка, частное мышление, диалог в трактовке выдающегося ученого).

Ключевые слова: Бахтин; новая политическая культура; ответственность поступка; частное мышление; диалог; закон; правила; персонализм; теория познания.

5.7.1. Онтология и теория познания.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Домашенко А. В. О М. М. Бахтине и необходимости формирования новой политической культуры // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 3 (10). С. 58–63. doi: 10.46741/sgjournal.2023.10.3.008.

Original article

About M.M. Bakhtin and the Need to Form a New Political Culture

ALEKSANDR V. DOMASHCHENKO

Donetsk National University, Donetsk, Russia, a.domashchenko@bk.ru

Abstract. The article briefly describes the creative legacy of M.M. Bakhtin, one of the largest representatives of personalism in philosophy, the founder of the personalist trend in literary theory. But it seems that the main significance of Bakhtin's works lies in the fact that his moral philosophy can become the basis for future political science that meets requirements and challenges of our time. The article indicates exactly which provisions of Bakhtin's moral philosophy can become the foundation of a new political science (responsibility of action, participatory thinking, dialogue as interpreted by the outstanding scientist).

Key words: Bakhtin; new political culture; responsibility of action; participatory thinking; dialogue; law; rules; personalism; theory of cognition.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Domashchenko A.V. About M.M. Bakhtin and the need to form a new political culture. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 3 (10), pp. 58–63. doi: 10.46741/sgjournal.2023.10.3.008.

Несомненно, что в какой-то области мировой культуры и памяти благодарных потомков М. М. Бахтин рано или поздно займет одно из ведущих мест. Но в какой именно области?

В философии XX в. М. М. Бахтин известен как крупнейший представитель персонализма и основоположник персоналистского направления в теории литературы. Хотя сам он называл свое учение нравственной философией, основана она была, конечно, на персоналистских установках.

В работах Бахтина на первый план выходят не проблемы эстетического характера, связанные с поэтическим представлением, а «голоса и диалогические отношения между ними» [1, с. 372], когда каждый голос заслуживает того, чтобы быть услышанным.

Понятно, что данные философские установки были не только противоположны, но разрушительны по отношению к резонерскому монологизму советской идеологии, что сразу же почувствовали марксистские начетчики, стоявшие на страже идеологической чистоты своего учения, и поэтому устранили на десятилетия Бахтин бы устранен из большой науки. Угроза устранить при этом и саму науку из университетских аудиторий никого не остановила.

Хотя стать основоположником целого направления в науке почетно для любого ученого, но в случае Бахтина это не более чем результат той жизненной ситуации, в которой он оказался. Он никогда не считал себя литературоведом, литературоведение было для него единственным способом обнародовать свои идеи, чему помогло в его случае радикальное переосмысление в духе своей нравственной философии творчества Достоевского. К тому же, полагаем, именно эйдосная теория литературы способна достичь такой глубины в осмыслении искусства, которая персоналистской теории по определению недоступна в силу ее обращенности к важным, но периферийным для искусства проблемам.

Но и не огромная роль Бахтина в развитии персоналистской философии обеспечивает ему высочайшее место в истории человеческой культуры. Это место задолго до Бахтина было занято Шеллингом – автором книги «Философские исследования о сущности человеческой свободы» (1809). Характерно, что непреходящее значение этого труда в истории человеческого мышления не было понято Бертраном Расселом, заявлявшим, что «в философском отношении» Шеллинг «незначителен». Думаем, что эта непреднамеренная шутка оказалась самой остроумной в его «Истории западной философии».

Персонализм Шеллинга глубже бахтинского, поскольку онтологический исток западного мышления явственно присутствует в его философии: «По себе бытие есть лишь вечное, покоящееся на самом себе, воля, свобода. Понятие производной абсолютности или божественности настолько непротиворечиво, что служит центральным понятием всей философии. Подобная божественность присуща природе. Имманентность в Боге и свобода настолько не противоречат друг другу, что именно только свободное, и поскольку оно свободно, есть в Боге; несвободное же, и поскольку оно несвободно, вне Бога» [2, с. 98]. Нет сомнения, что теонимный персонализм Шеллинга дает больше для понимания творчества Достоевского, чем теория диалога Бахтина [3].

Онтологический контекст мышления к XX в. был почти совсем утрачен, оставаясь на

периферии самых востребованных путей развития философии, забывшей о своем происхождении. Постепенно осуществлялся переход от личности, укорененной в своей культуре, к индивиду, оторванному от своих корней, лишенному свободы человеку заблудившемуся, типичному представителю нашего времени, для которого родина – всего лишь устаревшее понятие.

Вне онтологического контекста философии не бывает, ведь в таком случае на ведущие позиции неизбежно выходят прагматически ориентированные дисциплины. Этим объясняется все более и более возрастающая роль политологии. Нравственная философия Бахтина, его теория диалога – это и есть политология *parexcellence*. И именно в таком качестве – качестве основоположника современной научной политологии как гуманитарной науки, самой востребованной не только в наше время, но, может быть, и в течение долгого времени, исчисляемого несколькими ближайшими столетиями, – Бахтин, по нашему убеждению, займет то место в истории мировой культуры, о котором говорилось ранее.

Политология нашего времени, не усвоившая фундаментальные для нее идеи Бахтина, обречена пребывать в младенческом состоянии, а политика, игнорирующая его путеводные указания, неизбежно будет оставаться слепой и беспомощной, что мы и наблюдаем сейчас во всем мире, в том числе и на территории Украины, находящейся на архаической стадии межплеменной розни – и именно в этом, как выяснилось, был смысл последнего кровавого майдана, а вовсе не в том, что он стал революцией достоинства. Сущность подлинного достоинства может проясниться лишь на высоком духовном уровне межличностного общения, а до этого Украине еще очень далеко.

Политология по самой своей сути прагматична, она должна быть полезна в решении текущих вопросов, и только этим она доказывает свою необходимость, определяя одновременно характер политики той или другой страны. Но именно здесь заключен парадокс: если политология будет только прагматичной, она не сможет решать свои, как представляется, единственно значимые для нее текущие задачи.

Вопросы, имеющие фундаментальную значимость, нельзя переформулировать так, чтобы они обрели очевидную для всех связь с текущими потребностями общества, но именно от их решения целиком зависит, что будет происходить в области так называемой реальной политики в ближайшие десятилетия. Действительно реальной, а не фантомной эта политика станет лишь в том случае, если ею будет обретена концептуальная глубина, неразрывно связанная с традициями ренессансного гуманизма (уважение) и христианской гуманности (сострадание).

Без такой связи политика обречена оставаться в варварском состоянии, из которого она по-настоящему еще не выходила. Таковой, к примеру, и по сей день остается политика так называемых цивилизованных стран.

Почему в варварском? Чтобы понять это, не нужно терять время на изучение трудов политологов, достаточно просто напомнить евангельскую истину «По плодам их узнаете их» (Мф. 7: 16).

Вместо ответа можно было бы просто указать на известные всем события XX в., самого трагического и самого варварского в истории человечества, с его двумя мировыми войнами, ответственность за которые целиком несет «цивилизованный» мир. Но и в наше время мало что изменилось, если вспомнить историю о том, как страны, сами себя назвавшие цивилизованными, в одночасье своей моральной (на самом деле, конечно, аморальной) поддержкой национал-радикалов погрузили благополучную Украину в хаос, при этом лицемерно отрицая какую бы то ни было свою ответственность за свершившуюся на наших глазах катастрофу.

Само это бесконечное лицемерие – красноречивый признак варварского состояния нынешней политики. Но есть и другие: откровенная ложь как средство для достижения целей; наклеивание ярлыков; использование примитивных и несоответствующих дей-

ствительности штампов для манипулирования толпой; создание идолов для толпы из совершенно никчемных персонажей; агрессивная, граничащая с патологией нетерпимость к чужому мнению, а стало быть, неспособность вести диалог; навязывание населению категорического неприятия своей страны, включая ее историю, традиции, культуру; шельмование и демонизация неугодных политиков как информационная подготовка, призванная оправдать будущие неправомерные действия по отношению к ним.

Сто с небольшим лет тому назад в совершенно не готовой к новой политической жизни стране такие методы сработали. В результате произошла самая страшная в мировой истории гуманитарная катастрофа, унесшая десятки и сотни миллионов жизней.

Видимо, «цивилизованному» Западу этот эксперимент понравился, хотели повторить в наше время, но что-то пошло не так. Те же методы (других не придумали) неожиданно не сработали: лишь небольшое количество людей было вовлечено в авантюру, а искренне заблуждающихся среди них было еще меньше.

Трагедия повторилась как фарс. Россия выстояла, и это в высшей степени показательный факт, свидетельствующий о том, что архаичная политика и соответствующая ей политология изжили себя и издыхают на наших глазах.

Но сама политология может сыграть решающую роль в изменении ситуации в мире, если сможет в самой себе найти возможности и силы для обновления. Именно в формировании политологии, соответствующей реалиям и насущным потребностям нашего времени, решающую роль может сыграть нравственная философия М. М. Бахтина, его теория диалога.

Это совсем другой уровень политической культуры, который должен стать нормой в международных делах. По мере формирования новой политической культуры из политики будут исчезать фигуранты, которые до сих пор бегают по политическому полю с копьем и угрожают убить каждого, кто не желает бегать или скакать вместе с ними. Речь, разумеется, идет не только об исполнителях, но также об архитекторах разноцветных катаклизмов в разных регионах мира.

Каждому понятно, кто в современном мире выступает в роли таких дикарей.

Когда все страны научатся разговаривать друг с другом на языке Бахтина, тогда и вопрос о технике получит совсем другое осмысление, и мы получим возможность увидеть, что она есть не порождение дьявола, а, может быть, самый реальный и действенный шанс для человечества.

У каждой страны есть своя правда – это принимается априори. Даже у Великобритании с ее бесконечной ложью и уходящими в глубину столетий кознями. Даже у Украины, которая совсем заблудилась в дебрях архаичного племенного сознания. Чтобы эта правда засияла и радовала глаз своей красотой, ее нужно долго и тщательно очищать от всего, что исказило ее облик.

Мир должен существовать на основе согласования разных правд, а не на основе столкновения разной лжи. Второй путь – дьявольская уловка, но ее можно избежать, если утверждение диалогических принципов общения между государствами, как их понимал Бахтин, станет не прекраснодушными мечтаниями, а реальной задачей, решение которой нам по силам.

Если исходить из взглядов Бахтина, новой политической культуре должны быть присущи такие основополагающие принципы:

1) ответственность поступка, включающая в себя и специальную, и нравственную ответственность, поскольку «безукоризненная техническая правильность поступка еще не решает дела о его нравственной ценности»;

2) участное мышление, преобладающее во всех великих системах философии; такое мышление должно стать духовной основой новой политической культуры [4, с. 7–12].

К этим двум бахтинским положениям необходимо прибавить еще одно:

3) безусловная значимость довлеющего себе закона, нисколько не зависящего ни от политической целесообразности, ни от чьих-то двойных стандартов, еще меньше – от обстоятельств, которые сегодня одни, а завтра совсем другие, как и всецело обусловленные обстоятельствами «правила». Эти так называемые правила – очевидный пережиток варварства в политике и политологии, как, впрочем, и гегемонизм, который исключается принципом многополярности.

Вся политическая область принадлежит «архитектонике бытия-события», которое «в категориях теоретического безучастного сознания... не определимо, но лишь в категориях действительного причащения, т. е. поступка, в категориях участно-действенного переживания конкретной единственности мира» [2, с. 15, 17].

Значимость нравственной философии Бахтина определяется тем, что она завершает эпоху дегуманизации, продолжавшуюся в течение последних двух столетий, и начинает историю нового гуманизма, который, в отличие от прежнего, ни в чем, ни в одном пункте не противостоит гуманности: «Смысл бытия, для которого признано несущественным мое единственное место в бытии, никогда не сможет меня осмыслить, да это и не смысл бытия-события» [4, с. 19].

В этом и заключается, если кратко, сущность нравственной философии Бахтина. На основе трудов мыслителя могут быть созданы разработки, которые, несомненно, сыграют решающую роль в формировании политической культуры нового типа.

Такова насущная задача, стоящая перед человечеством. Если мы не поймем ее значимости или не справимся с ее решением, произойдет то, о чем в свое время говорил Бахтин в связи с миром техники, знающим лишь «свой имманентный закон, которому и подчиняется в своем безудержном развитии, несмотря на то, что уже давно уклонился от осмысливающей его культурной цели, и может служить ко злу, а не к добру, когда <?> по своему внутреннему закону совершенствуются орудия, становясь страшною губящею и разрушающею силой из первоначального средства разумной защиты. Страшно все техническое, оторванное от единственного единства и отданное на волю имманентному закону своего развития; оно может время от времени врываться в это единственное единство жизни, как безответственно страшная и разрушительная сила» [4, с. 11–12].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
2. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. М., 1989. Т. 2. С. 86–158.
3. Домащенко А. В. Теоретико-литературная актуальность философии Шеллинга // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2014. № 24-2. С. 21–37.
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2003. Т. 1. 957 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 423 p.
2. Schelling F.W.J. Philosophical studies on the essence of human freedom and related subjects. In: *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Essays: in 2 volumes. Volume 2]. Trans. by Levina M.I., Mikhailov A.V. Moscow, 1989. Pp. 86–158. (In Russ.).
3. Domashchenko A.V. Theoretical and literary relevance of the philosophy of Schelling. *Vostochnoslavjanskaya filologija. Literaturovedenie = East Slavic Philology. Literary Studies*, 2014, no. 24 (2), pp. 21–37. (In Russ.).
4. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 1* [Collected works: in 7 vol. Volume 1]. Moscow, 2003. 957 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ДОМАЩЕНКО – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета, Донецк, Россия, a.domashchenko@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR V. DOMASHCHENKO – Doctor of Sciences (Philology), Professor, professor at the Department of History of Russian Literature and the Theory of Literature of the Donetsk National University, Donetsk, Russia, a.domashchenko@bk.ru

Статья поступила 21.06.2023